

Игорь ГУРОВ

Краснодар

Священный бег в России. О Деннисе Бэнксе и не выкуренных трубках

Игорь Гуров или Матосапа (на языке лакота - "Черный Медведь") — один из основателей и сегодняшних лидеров индеанистского движения в России, участник многих Пау-Вау и других акций, проводимых индеанистами совместно с представителями коренных американцев. Автор делится своими воспоминаниями о первом "Священном беге" (Sacred Run) в России, который был организован Деннисом Бэнксом — одним из руководителей радикальной нативистской организации Движения Американских Индейцев (ДАИ) и участником известных событий 1973 года в Вундед-Ни (резервация Пайн-Ридж, шт. Южная Дакота).

В СЕНТЯБРЕ 1990 года, после самого большого и, на мой взгляд, самого удачного Пау-Вау под Лугой, появилась идея создать танцевальную группу, которая могла бы стать профессиональным шоу. К этому моменту нечто подобное уже было в Питере — группа "Хранители". Конечно, на мой взгляд, идея и азарт ребят были велики, но знаний и внешнего антуража не хватало, а также маловат был исполнительский состав. Для такого дела нужны были люди, фанатично желающие танцевать, во что бы то ни стало. И такие нашлись: Танцующий Лис, Леня, Танто, я и еще пара человек. Для меня это было делом жизни: я считал, что танец — это именно то, в чем я могу и хочу себя реализовать. К этому моменту уже восемь лет я "копал" эту тему. Таким образом, оставив семью, дом, свой город, я отправился в Питер, в надежде стать "профи" и найти свое дело. Но, в конечном итоге, вся идея лопнула, как мыльный пузырь. Затея оказалась преждевременной...

Вот в этот самый период моего пребывания в Питере (тогда еще Ленинграде) и случилось то, во что поначалу мало верилось. Из неизвестных источников пошел слух, что Движение Американских Индейцев и его лидер Деннис Бэнкс проводят акцию "Священный Бег" и онный прибудет в Питер со дня на день. Как стало понятно позднее, это был пробег "Лондон - Москва". Но этот факт держался в строжайшей тайне и был, по-видимому, законсервирован в КГБ. Должен с

горечью признать, что среди индеанистов было несколько человек, которые не только знали об этой акции, способствовали ей, но и скрыли это от всех остальных. И это те люди, с кем я курил трубку и кого называл братьями. Конечно, по прошествии времени я могу взглянуть на это по-другому. Все же КГБ тогда имел и силу, и влияние на личность. И коль уж он дал добро кому-то одному, он и требовал определенных обязательств. Хуже только то, что в последствии, разговаривая с участниками пробега, индейцами и не индейцами, я узнал, что "наш человек" говорил им (участникам) о том, что не следует им общаться с нами, если вдруг такое случится. А такое случилось, и, поначалу, бегуны были довольно замкнуты и отчуждены... Но пусть это остается на совести этого человека, живущего ныне, кстати, в Соединенных Штатах.

Первый наш контакт произошел в горисполкоме на Дворцовой площади напротив Исакиевского собора. Мы туда пробрались, заплетя волосы в косы и разговаривая друг с другом на искаженном английском, так как тогда даже такого английского чиновники не понимали, и это нам сошло с рук. К нам тут же прикрепили переводчицу, которая отвела нас к месту сбора всей делегации.

Первым, кто нам попался "на растерзание", был рослый индеец, сидящий в стороне от основной группы во главе с Бэнксом и официальными чиновниками. Мы "атаковали" его. Танто тут же

всучил ему пачку фотографий с наших Пау-Вау, а Поющая Лань начала пояснять что-то на английском. Реакция его была никакой. Но нас это не обескуражило. Сам факт нахождения рядом с романтической легендой пьянил нас. Это был Скай Хоук. Впоследствии мы стали приятелями.

Дальше – больше. После того, как “бегуны” покинули это здание, они отправились на ужин и ночевку в Репино. Естественно и мы, не удовлетворившись увиденным, набрались наглости и залезли в их автобус, дабы продлить удовольствие того вечера. Кстати, в этом же автобусе я встретил, к своему удивлению, одну женщину-буддистку, с которой познакомился годом ранее на акции “Next Stop Soviet” “Киев – Чернобыль”.

Могу себе представить, что думали участники пробега о нас, в свете “предупреждений” нашего друга. Но внешне они не показывали ничего. Японцы записывали свои впечатления на карманные компьютеры, подсвечивая себе неоновыми карманными фонариками. Европейцы жевали свои индивидуальные припасы. Дети индейцев дурачились и дразнили друг друга и окружающих. Нас просто не замечали...

Оказавшись, в конце концов, в Репино, все отправились в ресторан, где на каждого участника было рассчитано меню, уже стоявшее на столах. Когда все прибывшие уже расселись и приступили к поглощению угощений, несколько мест оказались не занятыми. Нас было человек пять-шесть, и с любезного приглашения одного из индейцев, мы тоже приложились к еде, нам не предназначенной, что сразу же было замечено работниками общепита. Нам было указано на неправомерность наших действий (дескать, все блюда посчитаны на участников), но было уже поздно. Общеизвестный принцип “в большой семье не щелкай клювом” мы воплотили на практике.

Сытые и довольные собой и сообществом, мы стояли на улице, удовлетворенно покуривая. Не знаю почему, но к нам подошел молодой индеец невысокого роста и спросил, сыты ли мы. Вопрос был понят не сразу, но ответ последовал утвердительный. Разговорились. Оказалось, что это был Баффало Игл Бэнкс – сын Денниса Бэнкса. Обычный, спокойный и улыбчивый. Впоследствии я разговаривал с ним еще, показывая некоторые свои вещи, но его реакция тоже была спокойной. Его, по-видимому, не очень интересовала кожно-бисерная сторона общения. А что его интересовало, я со своим слабым знанием английского так и не узнал. Но при дальнейших встречах мы с ним вежливо улыбались и кивали друг другу.

Под конец дня толпа индеанистов, разными путями добравшихся до этого места, выжала из Денниса Бэнкса и его сестры Мэри-Джейн обещание встретиться завтра, здесь же, в зале одного из корпусов пансионата в Репино для более плодотворного общения. К вечеру следующего дня в пансионате собралось человек 30 индеанистов и несколько участников пробега: Деннис Бэнкс, Мэри-Джейн, дочь Тачина, англичанин Питер Гиббс с женой Кэтти из лакота и тремя дочерьми. Еще несколько участников пробега индифферентно сидели в другом конце зала и не принимали активного участия в “саммите”. Было задано много вопросов и получены ответы. Но самым знаменательным и наиболее запомнившимся мне, да и другим тоже, было то, что наши ребята принесли с собой трубки и предложили их выкурить Бэнксу и остальным. Бэнкс отказался, сославшись на отсутствие настроения и неподходящую ситуацию. (У них в тот день обворовали автобус, унесли кино- и фотоаппаратуру, и этим делом занимались следственные органы в лице подвыпивших оперов, что естественно повлияло на общий настрой бегунов).

Но я в тот момент был занят общением с помощником Бэнкса, Питером Гиббсом, который, судя по всему, был еще и танцором. Это меня интересовало больше всего. Поэтому я не сразу понял, что произошло, когда поднялся Одинокий Волк (один из тех, кто стоял у истоков Пау-Вау в СССР) и сказал примерно следующее: “Да плевать я хотел на то, что они с нами не желают курить. Я вырос с трубкой, и я больше индеец, чем они”. Возможно, я передал фразу Волка не слово в слово, но смысл ее был именно такой. И эта была четкая и гордая позиция человека, знающего цену себе, своей трубке и своей вере. Справедливость и правоту его слов я позже понял, столкнувшись с такой же ситуацией на пробеге со Скай Хоуком. Он тоже отказался от трубки и беседы с нами, когда возникла сложная ситуация. В такие моменты мы обламываемся на образе “романтического индейца” и сталкиваемся с реальностью, и именно тогда осознаем, кто мы есть. Я точно знаю, кто я, и что для меня значит священная трубка, а вот они (индейцы) не сразу это просекают. Хотя понять их тоже можно, зная всю их предыдущую, да и настоящую историю общения с белым человеком.

Мы с Танто насели на Питера, предварительно помогли раздобыть горячей воды для чая или кофе, что было непросто, учитывая специфику нашего общепита. В ответ он любезно притащил из номера свои танцевальные регалии, баст-

лы, передник, роучи и т.п., а мы усиленно вникали в его слегка картавую английскую речь. Общением остались довольны обоюдно.

Под конец беседы, когда Бэнкс немного освободился от навязчивых молодых людей, Питер подвел меня к нему, что-то сказав. Не помню что, но я тоже что-то стал говорить Бэнксу и, в конце концов, изрек стереотипную фразу: “Я белый, но сердце и кровь у меня красные, и это мой путь жизни”. Тогда впервые Бэнкс взглянул мне прямо в глаза, сказав: “Если это идет от твоего сердца, следуй этому пути”. После этого он пожал мою руку “индейским рукопожатием” (это как позиция рук в армрестлинге) и далее сказал, что если я хочу, то могу участвовать в их пробеге от Ленинграда до Москвы, так как в автобусе есть свободное место для одного человека. А во время остановок в других городах я мог бы участвовать в культурной программе и танцевать с Гиббсом и Эмметом Истменом, “традиционными” танцорами. Я был окрылен.

Надо сказать, что этим утром у индейцев было выступление в ДК Связи, где бегуны общались с ленинградской публикой и, конечно, с индейцами, но со сцены зала. Это и была их культурная программа, с песнями и плясками. Мы тоже не преминули поучаствовать в коллективном танце, но выглядело это довольно убого. В частности, у меня свернулся вниз мой единственный багл, да и вообще... Поэтому я намеревался наверстать упущенное, во время предстоящего отрезка пробега.

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Так как встреча с бегунами была назначена на Дворцовой площади в 8 часов утра, я прибыл туда со своими сумками заранее. Туда же приехал и Рысенок, тоже решивший, во что бы то не стало, бежать до Москвы. Мы околачивались на этом месте до 14 часов, а потом решили, что ждать больше нечего, и отправились по домам. Бег все же прибыл на это место часом позже. Задержка была из-за тех самых следственных органов, которые искали фотоаппаратуру, но так и не нашли...

Однако в Москву мы все же попали – поездом... На Манежной площади я встретился с Питером и Баффало Игл Бэнксом, словно со старыми знакомыми. Они сразу же стали расспрашивать, как так получилось, что я не попал к ним в компанию, и посочувствовали такому невезению...

Но пробег был уже завершен, и все участники отправлялись на заключительную церемонию и место отдыха в Тверь. Таким образом, теперь уже с москвичами и несколькими питерцами, на следующий день я приехал в Тверь. Заключительная церемония проводилась в клубе, находившемся поблизости от гостиницы. Церемо-

ния состояла из нескольких этапов. Поскольку пробег был интернациональным, то и этапы были соответствующими. Сначала свою церемонию проводили коренные жители Хоккайдо – айны. Они устроили импровизированный костер на листе железа и исполнили национальные молитвы и песнопения. Затем, моя знакомая-буддистка, в компании с японцами и немками-буддистками выполнили свои ритуалы. Европейцы устроили что-то вроде средневековой мистерии, но выглядело это достаточно примитивно и неестественно. Наступил черед индейцев...

Ранее, этим утром, мы встретились с Бэнксом, его сестрой и Деннисом Фрэнчем – бородачатым флейтистом из племени хупа – и несколькими другими участниками. Теперь беседа проходила в совершенно ином ключе. Мы показывали им слайды, фотографии, просто шутили. Они на этот раз действительно внимательно относились ко всему, что видели и слышали. Затем Бэнкс сказал нам, что ему нужна помощь в подготовке церемонии закрытия. Он попросил Питера Гиббса и его жену заняться с нами этой работой. Заключалась же она в следующем. Надо было найти и нарезать ивовых ветвей для символических “беговых жезлов”. Срезая ветки, мы приносили в жертву щепотки табака. Бэнкс и Мэри-Джейн показали, как украсить эти жезлы лентами, перьями орла и шалфеем. Было сделано шесть таких жезлов. Они предназначались для особенно отличившихся участников и должны были быть вручены во время обряда священной трубки...

К моменту обряда трубки мы находились “за кулисами” и наблюдали за приготовлениями Питера. Все выглядело очень обыденно: он сидел на одном стуле, а трубка и принадлежности лежали на другом. Подошел Бэнкс, что-то сказал Питеру, и тот, с несколько удивленным лицом все свернул и убрал в сумку... Обряда трубки не будет... Как оказалось, Бэнкс просил всех остальных участников-неиндейцев оставить помещение для проведения обряда трубки, но никто не сдвинулся с места... Тем не менее, церемония продолжалась, только с некоторыми изменениями. Был зажжен шалфей и все присутствующие были окурены из раковины ароматным дымом этого растения. Каждый должен был очиститься перед обрядом. Участники и зрители стояли по четырем сторонам от центра. Площадка в центре зала была ограничена по углам четырьмя банками с землей, в которые были воткнуты тонкие ивовые прутья с привязанными к их верхним концам цветными полосками ткани – черной, белой, красной и желтой. Одну сторону квадрата занимали индейские флаги – традиционные кривые жезлы с перьями орла. Слева от них располагалась группа певцов

у большого барабана, на котором был нарисован символ Священного Бега – знак хопи для вселенной и всего сущего (крест в окружности и более мелкие круги в каждом из четырех секторов). Слева от барабана стояли несколько индейских женщин и девочек. Деннис Бэнкс был ведущим. Певцы затынули песню Пляски Солнца, во время которой Бэнкс, подходя к женщинам, протыкал на руке каждой из них кожу и застегивал булавку с лоскутком красной ткани. Таким образом, это была небольшая Пляска Солнца. Затем Бэнкс брал в руки один из "беговых жезлов" и, вызывая кого-то из участников, вручал ему этот "знак отличия". Ко всеобщему удивлению, последний символический жезл он передал нам. Нет, не тому человеку от КГБ, который, казалось, готов был выйти и получить его, а нам, тем, от кого его, Бэнкса, остерегали. Меня вытолкнули для получения этого символа, символа признания нас как таковых!

На этом церемония была завершена, но трубка так и не была выкурена. Бэнкс тоже остался верен себе. И все же мне кажется, что он курил и он будет курить трубку вместе с нами, когда тому придет срок. Те из нас, кто были с ним и с другими индейцами на последующих пробегах, подтвердят справедливость моих слов. Да ведь и мы,

"традиционалисты-стариками", тоже не перед каждым, кто говорит "я – индеец" открываем свои трубочные сумки.

Наверное, что-то мы все же задели в душе индейцев, если Бэнкс посчитал нужным это отметить. Я хранил этот жезл как до, так и во время следующего пробега "Бег за землю и жизнь" (1991-1992 гг.). Сейчас он находится у Орлиного Пера на Алтае.

Кстати, с жезлом Бэнкса связана еще одна история. На обратном пути из Москвы в Питер наш поезд попал в железнодорожную катастрофу, но целая цепь случайностей (или закономерностей) сложилась так, что жертв практически не было. Погиб машинист и проводница, разлились две цистерны с бензином, сошли с рельсов локомотив и пять вагонов, все опрокинулись и повредились. Но нас уберег жезл или Вакан Танка?

Были у меня и после этого встречи с бегунами и пробег со Скай Хоуком, но это все отдельные истории. Все они сбивали романтический флер с индейцев и открывали реальных живых людей, с которыми можно было общаться, на которых хотелось или не хотелось походить. Но главное, что я для себя выяснил, что я тоже Человек и стою того, чтобы они, индейцы, хотели общаться со мной.

Мы – народ! декларация Пау-Вау в России

(Проект текста декларации, предложенный редакционной коллегией альманаха "Первые Американцы" (Санкт-Петербург))

Братья и сестры! Друзья! Проводя наши обряды, мы говорим: "Все мы родичи!"

Мы возносим слова благодарности Создателю и всей окружающей Природе за то, что мы здравствуем на этой Земле, объединенные родственной связью со всеми живыми существами.

Мы – люди, выросшие на индейских культурных ценностях, которые в течение многих лет храним в наших сердцах.

Мы создали и создаем свои собственные жизненные ценности и традиции, которые помогают нам жить в течение всех лет существования нашего движения.

Мы получили свой жизненный опыт и обрели определенное знание Великого Красного Пути, которое направляем на благо нашему народу, нашим детям и потомкам.

Мы обрели это Знание в дар от Создателя и должны бережно его хранить и передавать людям.

Мы платим за верность ему дорогой ценой – здоровьем, положением в обществе, болью утрат разочарований, всей своей жизнью.

Мы честно и бескорыстно трудились и продолжаем трудиться, и теперь за нами следуют другие люди и наши дети.

Мы прошли тернистый путь сближения, клубов, общин, организаций, у нас сложилась духовная общность.

Мы проводим священные обряды трубки и инити ради очищения и единения, ради наших детей и всех наших сородичей из мира Природы.

Мы стали отцами и матерями, дети растут в нашем кругу и нуждаются в нашей заботе, а мы – в их уважении.

Мы создали то, что стало для многих опорой в жизни, то, что направляет нас по Красному Пути и является нашей надеждой, верой и чаянием – наш праздник Пау-Вау.

Мы взываем ко всем, кто считает себя частицей нашего народа, мы взываем ради благого воспитания наших детей и продолжения Красного Пути.

Мы стали свидетелями всевозможных искажений, спекуляций и осквернения алкоголем наших духовных ценностей, нашего Знания, выстраданного нами и нашими братьями и сестрами в нелегких испытаниях.

Мы долгое время были свидетелями того, как это осквернение разлагающе отражается на наших людях, подобно усиливающемуся хаосу во всем Море.

Мы осознаем, что будущее Пау-Вау находится в опасности, и потому не желаем исказить наш праздник бесцельным проведением времени.

Мы знаем, что наше движение стоит перед лицом кризиса, выйти из которого мы сможем, лишь объединив усилия с теми, в ком звучит дух единства нашего народа.

Мы осознаем, что настало время защитить наши духовные ценности, положить конец осквернению наших святынь, ибо от этого зависит наше выживание.

Мы призываем наших братьев и сестер открыть глаза и уши, воспринять наши слова всей сутью, чтобы обновить свою силу и мужество перед лицом зла – нетерпимости, пошлости, невежества, пьянства...

Мы взываем к сердцам наших близких, ибо принятие единого решения зависит от каждого из нас.

Мы знаем, что это выстраданный выбор, и мы объединяем помыслы наши и принимаем эту декларацию в соответствии с избранным нами Красным Путем.

Со всей ответственностью мы заявляем следующее:

Мы – народ, несущий знание Красного Пути, основанное на индейских культурных ценностях.

Мы считаем лагерь Пау-Вау нашим Храмом, в который мы входим ради очищения и единения друг с другом.

Мы находимся в этом Храме ради приобщения к Создателю, чтобы вместе следовать Великим Красным Путем, сколь бы мало нас ни оставалось.

Мы принимаем ценности Красного Пути, чтобы жить в Добре, Красоте и Уважении со всеми живыми существами, в Единой Гармонии Бытия.

Мы идем Красным Путем ради наших отцов и матерей, братьев и сестер, детей и стариков, предков и потомков, чтобы Знание это скрепило воедино опыт многих поколений во благо нашего народа, нашей Матери-Земли и всего человечества.

Мы открыты для общения со всеми ищущими людьми, кому будут нужны наши жизненные ценности, наш опыт и наше Знание, все, что было обретено нами на благо нашего народа.

Мы считаем недопустимым осквернение алкоголем, наркотиками и бранью наших tipis, трубок, инипи и любых других святынь нашего народа, ибо такое осквернение не служит на благо нам и нашим детям.

Мы считаем недопустимым осквернение подобными пороками территории нашего лагеря, наших молитв и обрядов, наших песен и танцев, нашей Матери-Земли, потому что все это священо.

Мы намерены сохранять дух наших обрядов и проводить их в чистоте, чтобы дети наши воспринимали их сердцем и учились у высших сил любви и уважению ко всему живому.

Мы выступаем против любого проявления спекуляции, коммерческой эксплуатации и искажения нашей деятельности средствами массовой информации.

Мы готовы оказывать поддержку людям, нуждающимся в исцелении от пороков современного общества, стремящимся к обретению знания Красного Пути.

Мы призываем наших братьев и сестер поддержать нас не на словах, а на деле, и объединить усилия, чтобы не свернуть с Красного Пути.

Мы осознаем свое предназначение и хотим, чтобы ценности Красного Пути несли наши дети, ради них мы связываем себя этими обязательствами.

Мы объединяем помыслы наши ради будущего наших детей, всего нашего народа, в ответе перед всеми живыми существами, чтобы они и далее продолжали здравствовать по воле Создателя в соответствии со Священными Законами Мироздания.

Все мы родичи!

